

УДК 811.221.18

Кудзоева А. Ф.
СИНТАКСИЧЕСКИЕ НОРМЫ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА
В ПЕРЕВОДЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Kudzoeva A.F.
SYNTACTIC NORMS OF THE OSSETIAN LANGUAGE
IN THE TRANSLATION OF THE HOLY SCRIPTURES

Аннотация. Статья посвящена проблеме кодификации осетинского литературного языка. На материале осетинского текста Библии проведен анализ нормативного и ненормативного употребления отрицательных частиц в сложноподчиненных предложениях с союзом **цалыnmæ** в значении 'пока не'. Описания правила употребления отрицательной частицы в главной или придаточной части негопозитивного сложного предложения. Показано, что большинство случаев неправомерного употребления отрицательной частицы в придаточной частицы – в сложных предложениях с глаголом в условном наклонении. Сделан вывод о том, что данный факт является показателем высокой степени деструктивной интерференции.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, союз **цалыnmæ**, отрицание, отрицательная частица, позиция частицы, наклонение глагола.

Abstract. The article is devoted to the problem of codification of the Ossetian literary language. Based on the material of the Ossetian text of the Bible, an analysis of the normative and non-normative use of negative particles in complex sentences with the conjunction **tsalynmæ** in the meaning "not yet" is carried out. Descriptions of the rules for using a negative particle in the main or subordinate part of a non-positive complex sentence. It is shown that most cases of illegal use of a negative particle in a subordinate clause are in complex sentences with a verb in the conditional mood. It is concluded that this fact is an indicator of a high degree of destructive interference.

Key words: complex sentence, conjunction **tsalynmæ**, negation, negative particle, particle position, verb mood.

Под синтаксическими нормами традиционно понимаются правила построения словосочетания и предложения в конкретном языке. Синтаксис – самый глубокий, «интимный» пласт любого языка, поэтому его нормы могут отличаться и отличаются даже в близкородственных языках. Предложения с одним и тем же содержанием в разных языках чаще всего имеют разную структуру, что особенно важно учитывать при переводе.

Профессиональные переводчики руководствуются принципом «Переводятся не предложения, переводятся смысловые целые» [11, с. 252] и выполняют сегментацию действительности, то есть расчленяют информационную структуру на сегменты и проверяют их на воспроизводимость в контактных языках без потери тождества. Если этого не делать, то результатом работы будет не просто мертвый, «переводческий» язык, а квазиязык. К примеру, в телеграмм канале одного из республиканских СМИ короткая заметка содержит следующее предложение: *Нæ республикæйы цæрджытæ нæм æрбарвыстой сæ фарстатæ æхсæнадон транспорты куыстыл*. Такая конструкция вполне допустима для интернет-переводчика на ранней стадии разработки сервиса, но недопустима для человека, владеющего осетинским языком. Перенос нормативной синтаксической модели русского языка ('Жители нашей республики прислали нам вопросы о работе общественного транспорта' на осетинский привел к искажению семантической структуры: 'Жители нашей республики прислали нам свои вопросы на работе общественного транспорта'. Наверно, вопросы можно отправить транспортом, если их очень много, но «на работе» этого сделать нельзя. Перед нами яркий пример синтаксической интерференции, результата взаимодействия языковых структур в условиях билингвизма, приводящего к отклонению от норм одного из взаимодействующих языков.

В лингвистике принято говорить об интерференции как явлению переноса норм родного языка на структуру неродного [9, с. 197]. В нашем случае это обратный процесс: в речи и, разумеется, в сознании билингва-переводчика русский язык (неродной) стал функционально первым, что и привело к нарушению синтаксических норм осетинского языка.

Разумеется, язык публицистики по причине специфичности ее цели – «по горячим следам» сообщить о событии, факте, оперируя простой, первичной информацией, – не может быть строго нормирован

ным, однако он, во-первых, является показателем уровня кодифицированности языка, во-вторых, в силу проникновения во все слои общества оказывает существенное влияние на кодификацию литературной нормы.

О том, насколько высока степень синтаксической интерференции второго типа (влияние неродного языка на родной) в осетинском языке и конструктивен или деструктивен ее характер, более объективно можно судить по текстам, авторами которых являются профессиональные литераторы и переводчики. Именно поэтому материалом анализа в данной работе стал полный текст Библии на осетинском языке [5], а объектом исследования – негопозитивные сложноподчиненные предложения с придаточного времени.

Надо отметить, что отрицание – некое универсальное грамматическое средство «выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места» [10, с. 17] недостаточно изучено в осетинском языке. Отдельные статьи посвящены частным вопросам репрезентации категории негации в простом предложении [4; 8], а между тем анализ показывает, что средства выражения семантики отрицания в сложном предложении имеют свои особенности. Ниже мы постараемся показать, что осетинское отрицание не только обладает необыкновенной силой рематизации, но и обладает способностью объединять части сложного предложения в неразрывное целое.

Набор средств выражения категории негопозитивности в осетинском языке достаточно ограничен. Это отрицательные частицы *нæ* ‘не’, *ма* ‘не’, *нал* ‘больше не’, отрицательные местоимения и местоименные наречия [1, с. 104; 2, с. 449]; при этом функции и позиция каждого отрицательного слова четко распределены: клитики тяготеют ко второй позиции перед глаголом сказуемым независимо от типа отрицательности предложения (частноотрицательные или общеотрицательные), при глаголе в изъявительном наклонении употребляется частица *нæ*, в повелительном наклонении – частица *ма*, с глаголом в желательном или условном наклонении могут быть частицы *ма* или *нæ* [6]. Относительно позиции отрицательных местоимений Д. Эршлер отмечает, что в осетинском языке «можно говорить об «отрицательном передвижении» – ОМ передвигаются в предглагольную позицию» [12, с. 90].

В грамматиках подчеркивается мононегативность осетинского языка: предложение может содержать одновременно не больше одного

средства отрицания – при наличии в нем отрицательного местоимения или наречия (или того и другого вместе) отрицательной частицы в нем быть не может [3, с. 75]. Это утверждение верно и для простого, и для сложного предложения. Но остается неисследованным вопрос о распределении средств негепозитивности по частям сложного предложения. Сохраняется ли и в этом случае монопозитивность? И если да, то с чем связано расположение отрицательного слова в той или иной части сложного предложения?

Рассмотрим сложноподчиненные предложения с союзом *цалынмæ*, соответствующим русским союзам ‘пока’, ‘пока не’. (Мы поддерживаем мнение, что в русском языке это два разных союза: «Иногда показатель грамматического отрицания «не» входит в состав подчинительного союза. Таков временной союз «пока не». СПП, в которых он употребляется, выражают предел временной длительности действия, репрезентированного глаголом несовершенного вида в главной части» [7, с. 94].)

Сложноподчиненное предложение с союзом *цалынмæ* в значении ‘пока не’ имеет в своем составе отрицательную частицу (*нæ* или *мæ*). Нормативная синтаксическая модель такого отрицательного предложения тесно связана с модально-временными характеристиками глагола-сказуемого и регулируется следующими правилами (выводы сделаны на основании анализа более 300 предложений):

1) негепозитивное сложноподчиненное предложение в осетинском языке может иметь отрицательную частицу только в одной части – главной или придаточной;

2) отрицательная частица находится в главной части сложноподчиненного предложения, если:

– в обеих частях сложного предложения глаголы имеют форму прошедшего времени изъявительного наклонения: *Дунедарæджы амындаей-уу ацыдысты сæ фæндагыл израилæгтæ æмæ-уу Дунедарæджы амындаей сæргæууыдысты: цалынмæ-уу Уаз Цæрæны сæргæ мигъ бадти, уæдмæ сæ бынатæй не змæлыдысты* (Ным 9: 18) ‘По велению Господа отправлялись в путь из сыны Израилевы по указанию Господа останавливались: пока над Священным Жилищем стояло облако, они не двигались с места’ (*здесь и далее обратный перевод мой – А.К.*);

– в главной части глагол в прошедшем времени изъявительного наклонения, придаточной – глагол в условном наклонении: *Къæвдайы баæсты уын Дунедараг уæ зæххыл рыг æмæ фæнны æруарын кæндзæн, æмæ уæ цалынмæ быныскъуыд фæкæна, уæдмæ нæ банцайдзæни уыцы уарын* (Фæл 28:4) ‘вместо дождя Господь прольет на вашу землю пыль и пепел, и не остановится тот дождь, пока все вы не будете истреблены’;

– в главной части глагол в повелительном наклонении, в придаточной – в условном: *Хæрæджы размæ тæр, æмæ дын цалынмæ зæгъон, уæдмæ ма ’рлауу!* (4 Пад 4:24) ‘Тони вперед ослицу и не останавливайся, пока я тебе не скажу’;

– в обеих частях глаголы в условном наклонении: *Аарон-у Рухсмонуатмæ таригъæдтæ ссыгъдаг кæнынмæ куы бацауа, уæд хъуамæ Фембæлды Цатыры цунæг адæймаг дæр ма уа, цалынмæ фæстæмæ рацауа, уæдмæ* (Лев 16: 17) ‘Когда же войдет в Святилище Аарон для очищения его от грехов, то ни одного человека не должно быть в скинии до тех пор, пока он не выйдет’;

3) отрицательная частица находится в придаточной части сложно-подчиненного предложения, если при ней глагол имеет форму прошедшего времени изъявительного наклонения, а в главной части ему соответствует:

– глагол в условном наклонении: *Ма уарзон хæринаг мын сцæттæ кæн, æмæ дзы æз бахæрон, цæмæй дын, цалынмæ нæма амардтæн, уæдмæ арфæ ракæнон* (Райд 27:4) ‘Приготовь мне мои любимые кушанья, и отведаю я их, чтобы я благословил тебя, по ка я не умер’;

– глагол в повелительном наклонении: *Цалынмæ йæм фенынмæ нæма ацыди, уæдмæ-у сауджын бафæдзæхсæд, цæмæй хæдзары цыдæриддæр ис, уыдон æддæмæ рахæссой, науæд хæдзары алыдæр нымæд æрцаудзæн æнæсыгъдагыл* (Лев 14:36) ‘Пока он не ушел посмотреть на него, пусть священник накажет, чтобы все, что есть в доме, вынесли наружу, иначе все в доме станет нечистым’;

В данном случае основным является вывод о том, что в предложении с союзом *цалынмæ* отрицательная частица в придаточной части сочетается только с глаголом в изъявительном наклонении в форме прошедшего времени. Именно с нарушением этого правила связаны, в основном, случаи плеонастического употребления отрицательных

частиц в осетинском тексте Библии: *Иу бон, дыууæ боны, фондз, дæс кæнæ ссæдз боны йæ нæ хæрдзыстут, фæлæ æнæхъæн мæй, цалынмæ уæ хъæлæсæй кæлын нæ райдайæ æмæ йыл æлгъ кæнын нæ райдайат, уæдмæ!* (Ным 11: 19-20) ‘Не один день, не два дня, не десять или двадцать вы будете это есть, а целый месяц, пока не начнет оно исторгаться из вашего горла и не начнете вы им брезговать’. Нормативная модель: ... *цалынмæ уæ хъæлæсæй кæлын райдайæ æмæ йыл æлгъ кæнын райдайат, уæдмæ!* – букв. ‘до тех пор, когда оно начнет исторгаться из вашего горла и вы станете им брезговать’.

Большинство нарушений нормы, по нашим наблюдениям, в книгах Левит и Второзакония. При этом переводчик (или редактор) колеблется между нормой и не-нормой: в главе 22 книги Левит стих 4 не содержит плеонастического отрицания, в а стихе 6 эта норма нарушена: *Аароны байзæддæгтæй хъотырæй рынчын чи уа кæнæ йæ цъæй кæмæн миза, уый кувинæгтæй ма хæрæд, цалынмæ ссыгъдæг уа, уæдмæ* (22:4) ‘Кто из потомства Аарона будет болеть проказой или истекать гноем, тот пусть не ест жертвенного кушанья до тех пор, пока не очистится’ – *Цалынмæ йæхи нæ цынайна, уæдмæ йын кувинæгтæй хæрыны бар нæй* (22:6) ‘Пока не искупается, до тех пор он не имеет права есть жертвенное кушанье’.

Не приходится сомневаться в причине интерференции – это перенос нормативной модели русского предложения на осетинскую конструкцию. Деструктивность такой интерференции заключается не в том, что в большом тексте, подготовленном группой переводчиков, обнаружились неправильно построенные конструкции, а в том, такие ошибки допущены профессиональными переводчиками и редакторами, что говорит, во-первых, о высокой, опасной степени интерференции, и, во-вторых, о недостаточной кодифицированности осетинского литературного языка.

Библиографический список

1. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
2. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. 487 с.

3. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть 2. Орджоникидзе: Ир, 1982. 495 с.

4. Багаева Л.К. К вопросу о двойном отрицании в английском и осетинском языках // Осетинская филология. Вып. 2. Орджоникидзе, 1981. С. 59-65.

5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. Москва: Российское библейское общество. 2011. 1407 с.

6. Выдрин А. П. Глагольные частицы нæ и ма в осетинском языке // На пастбище Мысли Благой. Сборник статей к юбилею И.М. Стеблин-Каменского. Санкт-Петербург, 2015. С. 109-119.

7. Гаврилова Г.Ф., Ковтуненко И.В. Категория негации и языковые средства ее выражения в сложном предложении (на материале русского и французского языков) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 2 (36). С. 92-97.

8. Кудзоева А.Ф. Об одном случае плеонастического отрицания в современном осетинском языке // Тенденции развития науки и образования. 2023. №100. Часть 3. С.156-159.

9. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

10. Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры. 2013. 304 с

11. Черняховская Л А. Перевод и смысловая структура. М.: Международные отношения, 1976. 262 с.

12. Эршлер Д.А. Отрицательные местоимения в осетинском языке: ареальные и типологические аспекты // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 84 – 105.

References

1. Abaev, V.I. (1959). Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka [A grammatical sketch of the Ossetian language]. Ordzhonikidze. (In Russ.)

2. Bagaev, N.K. (1965). *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Chast'1*. [Modern Ossetian language. Part 1.]. Ordzhonikidze (In Russ.)

3. Bagaev, N.K. (1982). *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Chast'2*. [Modern Ossetian language. Part 2]. Ordzhonikidze (In Russ.)

4. Bagaeva, L.K. (1981). *K voprosu o dvoynom otritsanii v angliyskom i osetinskom yazykakh* // *Osetinskaya filologiya* [On the issue of double negative in English and Ossetian languages] Ossetian philology. Vol. 2. Pp 59-65. (In Russ.)
5. Bible. (2022). *Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskiye. Sovremennyy russkiy perevod* [Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical. Modern Russian translation]. Moscow. (In Osset.)
6. Vydrin, A.P. (2015). *Glгол'nyye chastitsy nae i ma v osetinskom yazyke* [Verb particles nae and ma in the Ossetian language]. On the pasture of Good Thoughts. Collection of articles for the anniversary of I.M. Steblin-Kamensky. St. Petersburg, Pp 109-119. (In Russ.).
7. Gavrilova, G.F., Kovtunenkov, I.V. (2016). *Kategoriya negatsii i yazykovyye sredstva yeye vyrazheniya v slozhnom predlozhenii (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [The category of negation and linguistic means of its expression in a complex sentence (on the material of the Russian and French languages)]. Vector of science of Togliatti State University. 2 (36). Pp. 92-97. (In Russ.).
8. Kudzoeva, A.F. (2023). *Ob odnom sluchaye pleonasticheskogo otritsaniya v sovremenном osetinskom yazyke* [About one case of pleonastic negation in the modern Ossetian language] Trends in the development of science and education. 100. Part 3. Pp. 156-159. (In Russ.).
9. Linguistic encyclopedic dictionary (1990). Moscow. (In Russ.).
10. Paducheva, E.V. (2013). *Russkoye otritsatel'noye predlozheniye* [Russian negative sentence]. Moscow. (In Russ.).
11. Chernyakhovskaya, L. A. (1976). *Perevod i smyslovaya struktura* [Translation and semantic structure]. Moscow. (In Russ.).
12. Ershler, D.A. (2010). *Otritsatel'nyye mestoimeniya v osetinskom yazyke: areal'nyye i tipologicheskiye aspekty* [Negative pronouns in the Ossetian language: areal and typological aspects] Questions of linguistics. 2010. 2. Pp. 84 – 105. (In Russ.).

Сведения об авторе

Кудзоева Анжела Федоровна, руководитель Центра развития осетинского языка, кандидат филологических наук, доцент, Институт

истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Россия,
г. Владикавказ. E-mail: andjik@inbox.ru

About the author

Kudzoeva Angela Fedorovna, Head of the Center for the Development of the Ossetian Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia. E-mail: andjik@inbox.ru.